Д.Н. Христенко

МЕТОД П. ШТОМПКИ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ХРИСТЕНКО Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (e-mail: archibaldo@rambler.ru)

Аннотация. *Анализируется авторский метод П. Штомпки для развития концептуальных основ социологии международных отношений.*

Ключевые слова: *образ государства, социальная структура, когнитивизм, социология международных отношений, методология*

Исследователи, изучающие международные отношения, всегда задавались вопросом, чем обусловливается поведение государств на мировой арене, какие факторы играют в этом процессе определяющую роль.

Известный польский ученый П. Штомпка выделяет четыре традиционных измерения социальной структуры: 1) нормативное (Э. Дюркгейм); 2) идеальное (М. Шелер, А. Шюц); 3) интеракционное (Г.Зиммель); 4) типичных интересов (К. Маркс, М. Вебер). При этом все эти измерения исходят из того, что именно «структура детерминирует действия людей»[1], а главная задача для исследователя – выявление процессов и механизмов подобного воздействия структуры на жизнь и поведение человека.

В последнее время, по словам ученого, наметился «большой теоретический поворот», ключевым вопросом в котором «становится поиск опосредствующих процессов и механизмов как бы с другой стороны – не от структур к действиям (структурная детерминация), а от действий к структурам (морфогенез)»[2].

Сам польский исследователь полагает возможным совместить обе модели объяснения роли и значения структуры, вводя «учет фактора времени, исторического характера социальной жизни». Он совершенно справедливо отмечает, что «актуальные действия можно объяснять через прежние структуры, но, совершая действия, люди также оказывают некоторое модифицирующее или преобразующее влияние на существующие структуры, создавая новые структурные условия для последующих действий, своих собственных либо со стороны будущих поколений. Более поздние структуры могут, следовательно, получать объяснение через бо-

[1] См.: *Штомпка, П.* Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 10.

[2] Там же. – С. 11

лее ранние действия, совершенные нами или нашими предками»[1]. Свой подход П. Штомпка назвал направлением диалектического структурного объяснения.

С нашей точки зрения, польский ученый фактически использует в своем рассуждении, хотя сам он об этом и не упоминает, третий закон диалектики известный как закон «отрицания отрицания», который графически изображается в виде спирали или записывается как триада «тезис–антитезис–синтез». При этом в качестве тезиса выступает утверждение о детерминирующей роли структуры, антитезиса – положение о приоритете действий, а синтезом является рассуждение П. Штомпки, совмещающее оба эти положения путем введения в схему фактора времени.

В результате именно прочный онтологический каркас, лежащий в основе концепции польского исследователя, предоставляет не только возможность экстраполировать метод диалектического структурного объяснения к анализу какого-либо конкретного общества или поступка индивида, но и рассмотреть с его помощью мировое сообщество в целом, попытаться понять характер и логику взаимоотношения государств.

Обращаясь к данному вопросу, стоит заметить, что пока теория международных отношений не дает четкого ответа на вопрос, что является детерминирующим фактором, определяющим международную ситуацию. Так, к примеру, классический реализм (Г. Моргентау, Г. Киссинджер) определяет поведение акторов на мировой арене через национальные интересы, жажду власти, изначально свойственную государствам, т. е. через действия, а сторонники неореализма (К. Уолц, Р. Гилпин, С. Уолт) исходят из того, что действия государств обусловлены прежде всего структурой международной системы[2].

В этом смысле исследование П. Штомпки позволяет, во-первых, удачно сочетать оба подхода, поскольку он показывает, что нельзя отделить одно от другого, нельзя рассматривать структуру отдельно от действий и наоборот. Во-вторых, выводы польского ученого фактически выступают в качестве серьезного методологического подтверждения такой новой и сравнительно недавно сформировавшейся теории объяснения международных отношений, как когнитивизм.

Отличительной особенностью подхода когнитивистов к изучению международных отношений «является то, что в качестве переменных величин, объясняющих взаимоотношение государств, политических и социальных институтов, индивидов, они рассматривают циркуляцию идей, распространение и распределение знаний, представлений друг о друге, образов государств»[3].

---

[1] См.: *Штомпка, П.* Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 12.

[2] См. : Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / под ред. П.А. Цыганкова. – М., 2008. – С. 57.

[3] *Киселев, И.Ю., Смирнова, А.Г.* Динамика образа государства в международных отношениях. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 27.

Когнитивисты отмечают, что, хотя государства и поступают на мировой арене исходя из своих национальных интересов, эти интересы в значительной степени определяются образом структуры международной системы в сознании политических лидеров, принимающих внешнеполитические решения.

То есть структура и действие, как и полагает П. Штомпка, фактически оказываются связанными воедино как в причинно-следственном, так и в онтологическом смысле. В силу этого закономерной является постановка вопроса о пересмотре содержания самого термина «структура» применительно к международным отношениям. Известный американский исследователь А. Вендт в связи с этим отмечает: «Первое и самое важное – это пересмотреть понимание того, из чего состоит международная структура. Я думаю, что именно из того, что отрицается К. Уолцем: это, скорее, социальный, нежели материальный феномен. И поскольку я убежден, что ядром общественного характера является распределенное знание, то это наводит на идеалистическое представление о структуре как «распределении знания» или «идеях на всем их пути до низа общества (а также и в любом другом направлении)». Характер общественной жизни определяется ожиданиями государств и их убеждениями относительно друг друга, что, как правило, зависит от социальных, а не материальных структур»[1].

Тем самым анализ структуры международных отношений предполагается через механизм социального познания, под которым понимается процесс самопознания субъекта во взаимоотношениях с другими, где в роли субъекта выступает суверенное государство. Иначе говоря, категория когниций (или знаний) оказывается опосредующим звеном между структурой и действием, которое необходимо в силу того, что действия государств (акторов) невозможно понять без учета субъективного измерения. Независимо от того, какое положение мы считаем доминантой «сознание определяет бытие» или, наоборот, мы должны учитывать, что изменение характера действий государств на мировой арене сопровождается изменением самосознания актора, его самоидентификации, представления о самом себе.

Обоснованность такого подхода можно продемонстрировать на примере войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг.

При внимательном рассмотрении оказывается, что если первоначально именно сложившая к 1990 г. биполярная структура международной системы определяла действия США (в частности заставляла согласовывать свои шаги с позицией СССР; это было причиной долгих, в несколько месяцев, колебаний в американском руководстве в вопросе о необходимости начала военных действий), то в дальнейшем уже действия США, а именно решительный разгром Ирака в ходе проведения военной операции «Буря

[1] *Вендт, А.* Четыре социологии международной политики / Международные отношения: социологические подходы. – М., 1998. – С. 65.

в пустыне» (январь–февраль 1991 г.) привели к преобразованию биполярной структуры международных отношений в однополярную. А это в свою очередь вызвало переоценку политической элитой США образа своей страны в мире и ее места на мировой арене.

То есть фактически в ходе военного противостояния с Ираком США осуществили процесс социального познания, осознав себя в качестве единственной супердержавы.

Весьма ярко об изменении Соединенными Штатами своей самоидентификации свидетельствовало выступление в марте 1991 г. сотрудника известного консервативного мозгового центра США, Гуверского института войны, революции и мира при Стенфордском университете Мартина Андерсона, заявившего: «Война в Персидском заливе показала ясно и недвусмысленно, что мы являемся военной силой номер один… Соединенные Штаты достигли морального, экономического и военного превосходства – возможно в первый раз в истории. Впервые со Второй мировой войны лидерство США неоспоримо»[1].

В свою очередь новый образ государства в сознании американского политического руководства стал причиной новой трактовки роли США в мире.

Как провозгласил в это время один ведущих американских политических аналитиков Ч. Кротхаммер, «наиболее выдающаяся черта мира после холодной войны – это однополярность. Без сомнения, многополярность придет спустя некоторое время … появятся великие державы, соизмеримые с Соединенными Штатами, и мир будет по структуре напоминать мир перед Первой мировой войной. Но мы пока еще не там и не будем там еще десятилетия. Сейчас момент однополярности»[2]. Он рассуждал о достоинствах однополярности, утверждая, что в Персидском заливе, например, именно односторонние действия США с экстраординарной скоростью в августе 1990 г. предотвратили попадание всего [Аравийского] полуострова под контроль Ирака. Американский эксперт подчеркивал: «Сейчас много ханжеских разговоров о новом многостороннем мире и надежд на ООН как гаранта нового мира после холодной войны. Но это ошибка… ООН ничего не может гарантировать…Коллективная безопасность? В Персидском заливе без США …ничего не было бы сделано… Мир списал бы Кувейт* подобно тому, как…Лига Наций списала Эфиопию»[3].

Таким образом, события войны в Персидском заливе убедительно подтверждают принцип диалектического структурного объяснения П. Штомпки:

[1] Цит. по: *Cooper, A.F., Higgot, R.A., Nossal, K.R*. Bound to Follow? Leadership and Followership in the Gulf Conflict // Political Science Quarterly. – 1991. – Vol. 106. – № 3. – P. 392.

[2] *Krauthammer, C.* The Unipolar moment // Foreign Affairs. – 1991. – Vol. 70. – № 1. – P. 24.

* Война в Персидском заливе началась с захвата войсками Ирака Кувейта в августе 1990 г.

[3] Ibid. – P. 25.

сначала имеющиеся структура (биполярная система международных отношений, сложившаяся к началу ближневосточного кризиса) определяет действия США против Ирака, которые затем, в свою очередь, вызывают к жизни новую однополярную структуру международных отношений, а та в итоге приводит к изменению характера действий США в новом мире.

Развивая мысль польского ученого о преобразующем влиянии действий на существующие структуры, представляется интересным и оправданным рассмотреть ее вслед за когнитивистами через изменение образа государства, его места и роли на мировой арене, в сознании политических лидеров, т. е. в субъективном измерении.

Отечественные исследователи отмечают, что образ государства обладает сложной структурой и состоит из трех компонентов: 1) идентификационного; 2) статусного; 3) ролевого[1].

Идентификационный компонент обнаруживается в тех ценностях, которые государство рассматривает в качестве основных, статусный отражает особенности взаимоотношений государства с другими участниками международных отношений, а ролевой – обязанности и сферы ответственности государства на мировой арене.

В ходе и после проведения американской военной операции «Буря в пустыне» в 1990–1991 гг. трансформации подверглись все компоненты образа США.

Именно в это время США, по меткому замечанию главы американского Совета по международным отношениям Р. Хааса, взяли на себя «роль мирового шерифа»[2], а президент Дж. Буш – старший выдвинул идею создания «Нового мирового порядка», который он описал как «мир, который во многом отличается от мира, известного нам. Мир, в котором право закона заменяет собой право джунглей. Мир, в котором нации признают свою общую ответственность за свободу и справедливость. Мир, в котором сильные уважают права слабых»[3]. Глава Белого дома заявил, что агрессия С. Хусейна стала первым нападением на «Новый мировой порядок», и подчеркнул, что в случае успеха она окажется сигналом к действию «для всех существующих и потенциальных деспотов»[4].

В результате формирования среди политического руководства США образа «Я»-государства как лидера и шерифа в постбиполярном мире, Вашингтон делает ставку на силовой метод разрешения конфликтов и сле-

---

[1] См.: *Киселев, И.Ю., Смирнова, А.Г.* Образ государства и принятие решений в международных отношениях. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 82.

[2] *Haass, Richard N.* The reluctant sheriff: the United States after the Cold War. – New-York: Council on Foreign Relations, 2002. – P. 6.

[3] Address Before a Joint Session of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. September 11, 1990 // Public Papers of the Presidents of the United States: George H.W. Bush. – 1990. – Book II: July 1 to December 31, 1990. – Washington: GPO, 1991. – P. 1219.

[4] Ibid.

дующие два десятилетия проходят под знаком активного военного вмешательства США в ситуацию в Сомали (1993), Боснии и Герцеговине (1994–1995), Косово (1999), Афганистане (2001), Ираке (2003).

Таким образом, в Соединенных Штатах фактически произошла смена «убеждений по поводу принципов»*, выразившаяся в развитии представлений о возможности установления в мире идеалов демократии и справедливости путем силового давления. А соответственно идеям изменился и характер действий США на мировой арене.

Мы полагаем обоснованным сделать вывод о том, что, помимо объективных составляющих: военной силы, территории, ресурсов, – значительное влияние на поведение государств в сфере международных отношений оказывают факторы нематериального порядка. Отмечая вслед за П. Штомпкой неразрывность структуры и действий, а следовательно, невозможность объяснить интеракцию субъектов международных отношений без учета национальных интересов и устремлений государств, мы вслед за школой когнитивистов приходим к признанию значимости знаний, представлений, образов, формирующихся у акторов в процессе социального познания друг друга на мировой арене. Тенденции глобализации только усиливают этот процесс, а следовательно, все большее значение приобретают идеи, знания и, как следствие этого, концепция «мягкой силы» выступает как основная форма проведения государствами своей внешней политики.

Список литературы

1. *Вендт, А.* Четыре социологии международной политики / Международные отношения: социологические подходы / под ред. П.А. Цыганкова. – М., 1998.

2. *Киселев, И.Ю., Смирнова, А.Г.* Динамика образа государства в международных отношениях. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

3. *Штомпка, П.* Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. – 2001. – № 9.

4. *Krauthammer, C.* The Unipolar moment // Foreign Affairs. – 1991. – Vol. 70. – № 1.

© Христенко Д.Н., 2011

* Убеждения по поводу принципов (термин, введенный учеными Дж. Голдстейном и Р. Киоухейном) – нормативные идеи, которые определяют, что такое хорошо и что такое плохо. Изменения в убеждениях, связанных с принципами, а также взглядами на мир имеют глубокие последствия для политического действия. – *Прим. авт.*